

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А. С. Воронов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. О. Наумов²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. Г. Фесюн³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

В. Г. Попова⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 339.923

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-6-6

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА КАТАР)⁵

Всего за несколько десятилетий с момента обретения независимости Катар превратился в региональную державу и важного игрока среди стран Глобального Юга. Повышению его международного имиджа способствовало активное использование во внешней политике технологий «мягкой силы», развитие которых финансировалось за счет перераспределения доходов от использования природных ресурсов государства. В основе исследования лежит концепция «мягкой силы» американского политолога Дж. Ная. Целью данной работы является выявление «мягкосиловых» инструментов и технологий публичной дипломатии, которые использует Катар для повышения влияния на международной арене, предметом исследования в свою очередь выступает

¹ Воронов Александр Сергеевич — д. э. н., профессор кафедры экономики инновационного развития, ФГУ МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: voronov@sra.msu.ru, ORCID: 0000-0003-0058-9217.

² Наумов Александр Олегович — д. и. н., профессор, факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: naumovao@my.msu.ru, ORCID: 0000-0002-8366-5934.

³ Фесюн Андрей Григорьевич — к. и. н., зам. директора по научной работе Института стран Азии и Африки, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: fesyun@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0700-8262.

⁴ Попова Вера Геннадиевна — к. э. н., доцент, экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: vgorrova@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-2052-0974.

⁵ Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 24-S05-08.

© Воронов Александр Сергеевич, 2025

© Наумов Александр Олегович, 2025

© Фесюн Андрей Григорьевич, 2025

© Попова Вера Геннадиевна, 2025

деятельность акторов «мягкой силы» Катара. В качестве методологической базы исследования использован междисциплинарный подход, сочетающий элементы политической экономики, теории международных отношений и странового анализа. Применены описательный метод, ретроспективный анализ, историко-генетический метод, историко-топологический анализ, контент-анализ источников и документов, сравнительный анализ, а также элементы статистического анализа. Для количественного анализа эффективности реализации гуманитарных направлений политики «мягкой силы» применен метод индексации и нормализации показателей. Научная новизна состоит в оценке эффективности использования Катаром инструментов «мягкой силы» в контексте ее социально-экономического развития. Был сделан вывод, что созданию сильного национального бренда страны с позиционированием ее как нейтрального и прогрессивного лидера в арабском и исламском мире способствовала комбинация действий акторов «мягкой силы» в области спортивной, образовательной, научной, туристической и религиозной дипломатии, обеспечивающих устойчивое социальное-экономическое развитие Катара на современном этапе.

Ключевые слова: Глобальный Юг, «мягкая сила», публичная дипломатия, экономика Катара, спортивная дипломатия, туристическая дипломатия, религиозная дипломатия, образовательная дипломатия, научная дипломатия, арабский мир.

Цитировать статью: Воронов, А. С., Наумов, А. О., Фесюн, А. Г., & Попова, В. Г. (2025). «Мягкая сила» и публичная дипломатия стран Глобального Юга (на примере социально-экономического развития Государства Катар). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(6), 123–142. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-6-6>.

A. S. Voronov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. O. Naumov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. G. Fesyun

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

V. G. Popova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: F63

‘SOFT POWER’ AND PUBLIC DIPLOMACY IN THE GLOBAL SOUTH (EVIDENCE FROM STATE OF QATAR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT)

In just a few decades since gaining independence, Qatar has become a regional power and an important player among the countries of the Global South. Its international image has been enhanced by active use of ‘soft power’ technologies in its foreign policy, the development of which was financed through the redistribution of income from the state’s natural resources.

The study is based on the concept of 'soft power' offered by the American political scientist J. Nye. The purpose of this work is to identify the 'soft power' tools and technologies of public diplomacy that Qatar uses to increase its influence on the international arena; the subject of the study, in turn, is the activities of Qatar's 'soft power' actors. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach combining elements of political economy, international relations theory and country analysis. The authors apply descriptive method, retrospective analysis, historical-genetic method, historical-topological analysis, content analysis of sources and documents, comparative analysis, and elements of statistical analysis. To quantify the effectiveness of implementing humanitarian directions of 'soft power' policy, the authors use the method of indexation and normalization of indicators. The scientific novelty consists in assessing the effectiveness of Qatar's use of 'soft power' instruments in the context of its socio-economic development. The findings show that creating a strong national brand of the country with its positioning as a neutral and progressive leader in the Arab and Islamic world was facilitated by a combination of actions by 'soft power' actors in areas of sports, education, science, tourism and religious diplomacy, ensuring sustainable socio-economic development of Qatar at the present stage.

Keywords: Global South, Qatar economy, 'soft power', public diplomacy, sports diplomacy, tourism diplomacy, religious diplomacy, education diplomacy, science diplomacy, Arab world.

To cite this document: Voronov, A. S., Naumov, A. O., Fesyun, A. G., & Popova, V. G. (2025). "Soft power" and public diplomacy in the global south (the case of the socio-economic development of state of Qatar). *Lomonosov Economics Journal*, 60(6), 123–142. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-6-6>

Введение

Понятие «мягкая сила» в международном научном дискурсе появилось благодаря американскому политологу Дж. Наю. В своей классической работе 2011 г. он определил ее как «способность влиять на других путем взаимодействия в области формирования повестки дня, оказания воздействия с помощью привлечения симпатий для достижения желаемых результатов» (Нье, 2011). Ключевым инструментом наращивания потенциала «мягкой силы» является публичная дипломатия — комплекс внешнеполитических мер, направленных на изучение, информирование и формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определенного государства или блока государств.

«Мягкая сила» и публичная дипломатия — неотъемлемые элементы внешнеполитической стратегии любой державы, претендующей на субъектность и акторность в мировой политике. В последние годы в этой области резко обострилась конкуренция между стремящимися сохранить свою ускользающую гегемонию западными государствами и странами мирового большинства, выступающими за создание подлинно многополярного мира. Первые, стремясь обеспечить доминирование собственных нарративов в международном масштабе, все чаще пытаются подменить

изначально позитивный посыл «мягкой силы», направленный на развитие равноправной и взаимовыгодной межкультурной коммуникации, экономического и торгового взаимодействия, прямым манипулированием общественным сознанием, что не просто не имеет ничего общего с изначальной концепцией Дж. Ная, но и прямо ей противоречит.

В связи с этим чрезвычайно актуальным является обращение к сюжетам использования технологий «мягкой силы» и публичной дипломатии странами Глобального не-Запада, которые избегают использовать деструктивные инструменты в данной сфере. К сожалению, вплоть до недавнего времени данные проблемы редко оказывались в поле зрения российских ученых. Особенно это касается государств, расположенных в регионе Большого Ближнего Востока. Немалый исследовательский интерес в связи с этим представляет «мягкосиловая» политика Катара, который из небольшой по площади и малоизвестной страны в Персидском заливе за последние полвека превратился во влиятельного регионального актора.

Методология исследования

В качестве методологической базы исследования использован междисциплинарный подход, сочетающий элементы политической экономии, теории международных отношений и странового анализа. Применены описательный метод, контент-анализ источников и документов (включая материалы международных организаций — IMF, UNWTO, UNESCO, World Bank), а также элементы статистического анализа: авторы используют официальные макроэкономические данные (ВВП, объемы экспорта, инвестиционные потоки) для подтверждения выдвигаемых тезисов. Акцент сделан на интерпретации динамики катарской политики «мягкой силы» через призму экономических инструментов влияния и гуманитарной дипломатии. Для количественного анализа эффективности реализации гуманитарных направлений политики «мягкой силы» применен метод индексации и нормализации показателей. Были выбраны ключевые компоненты, отражающие «мягкосиловые» усилия Катара: образовательная, туристическая, медийная, спортивная и религиозная дипломатия. Для каждого из направлений использовались условные показатели (экспертные оценки и статистические индикаторы), нормализованные методом линейного преобразования по шкале от 0 до 1.

Государство Катар как центр экономического развития Ближнего Востока

Государство Катар стало независимым лишь полвека назад, получив независимость от Великобритании в 1971 г. Находясь рядом с крупнейшими игроками региона — Королевством Саудовская Аравия и Исламской

Республикой Иран, не обладая должной военной мощью (его вооруженные силы не превышают 12 тыс. человек), эмират взял курс на развитие альтернативных источников увеличения совокупной мощи страны, важным элементом которого стало использование ресурсов «мягкой силы» и инструментов публичной дипломатии.

В отечественной научной литературе сюжеты, связанные с «мягкой силой» и публичной дипломатией Катар, затрагивались нечасто. Можно выделить лишь несколько статей, в которых исследователи либо рассматривали отдельные аспекты данной проблемы (Милинкевич, 2023; Водянов, 2023; Сучков, Седелев, 2019; Цветкова, Мужикбаев, 2016), либо ограничивались определенными хронологическими рамками (Вахрушева, 2017; Васецова, Фатхуллина, 2023). Системного и комплексного анализа этого вопроса до сих пор проведено не было. Отчасти закрыть эту лакуну призвана настоящая работа.

До середины 1990-х гг. Катар позиционировался на мировой арене в качестве младшего партнера Саудовской Аравии (Абылгазиев и др., 2023, с. 62). В 1995 г. эмиром стал амбициозный и харизматичный Хамад бин Халифа Аль Тани (1995–2013), который начал проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику, а также озаботился кардинальным улучшением имиджа своего государства на международной арене. В глобальном плане его цель заключалась в превращении малой монархии Залива в заметного и влиятельного игрока не только в регионе, но и в мире (Тюкаева, 2023, с. 96).

Росту политического и экономического влияния Катар на рубеже XX–XXI вв., безусловно, способствовало увеличение производства и экспорта сжиженного природного газа, что принесло гигантские финансовые дивиденды. В связи с непрозрачностью суверенного фонда Катар (Qatar investment authority, QIA) получить отчет по дивидендам от инвестиций не представляется возможным. Можно сослаться на подтвержденные данные по дивидендам от инвестиций в британские компании — 475 млн фунтов в 2022 г., но предполагается, что суммарный ежегодный дивидендный доход от активов в США, Великобритании и Азии может превышать 8–11 млрд долл. (Topham, 2022). Сегодня Катар инвестирует особенно много именно в США, Великобританию и азиатские страны, включая Китай. В мае 2025 г. агентство Рейтер сообщило, что QIA объявил о планах за последующие 10 лет как минимум удвоить ежегодные вложения и направить 500 млрд долл. в экономику США. (Reuters, 2025). Объем британских активов QIA оценивается в 100 млрд фунтов стерлингов. В декабре 2024 г. объявлено о плане инвестиций в климатические технологии королевства, включая компанию Роллс-Ройс, объемом 1 млрд фунтов. (Reuters, 2024).

Огромные запасы углеводородов в Катаре и успешная торговля ими на внешних рынках сделали эту небольшую страну одной из богатейших

в мире. По состоянию на 2023 г. Катар обладает третьими в мире разведанными запасами природного газа после России (20% мировых запасов) и Ирана (17%) — они составляют около 24,7 трлн кубометров. Значительная часть добычи экспортируется в виде сжиженного природного газа (СПГ). В 2024 г. Катар экспортировал 77,23 млн т СПГ (18,8% мирового экспорта этой продукции), что делает страну третьим после США и Австралии экспортером (Gulf Times, 2025), а по данным Международного энергетического агентства Катар занимает второе место в мире по объемам экспорта СПГ, поставляя его в десятки стран Азии и Европы. Доходы от экспорта СПГ и нефти формируют основу бюджета страны. По данным EIA (US Energy Information Administration), доходы Катара от экспорта углеводородов выросли с 47 млрд долл. в 2020 г. до почти 77 млрд долл. в 2021 г., составляя 70–85% всех экспортных поступлений, на их долю приходится 37% ВВП Катара (U. S. Energy Information Administration, 2023).

Поставки углеводородов за рубеж составляют более 80% от общего объема внешней торговли и остаются ключевым источником доходов бюджета. Это обеспечивает стране один из самых высоких уровней ВВП на душу населения в мире: по данным МВФ, в 2023 г. номинальный ВВП на душу населения составил около 71,6 тыс. долл., а по ППС — более 121,6 тыс. долл. На втором месте ОАЭ — 81,6 тыс. долл., на третьем месте Саудовская Аравия — 61,9 тыс. долл. (Reuters-2, 2025). Эти ресурсы используются для финансирования крупных инфраструктурных и гуманитарных проектов, в том числе в рамках реализации стратегии «мягкой силы» (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика ВВП на душу населения в странах Глобального Юга
(номинально и по ППС), 2000–2025 гг. (тыс. долл.)**

Год	Катар (ном.)	Саудовская Аравия (ном.)	ОАЭ (ном.)	Катар (ППС)	Саудовская Аравия (ППС)	ОАЭ (ППС)
2000	30,46	10,45	32,50	63,61	32,70	70,74
2005	54,36	15,94	39,39	76,98	40,31	71,18
2010	69,80	22,03	43,10	95,91	44,34	60,09
2015	66,35	22,45	42,37	99,46	50,39	65,73
2020	50,96	23,27	37,62	81,00	56,19	66,14
2025	71,65	30,1	49,50	121,61	61,92	81,68

Источник: составлено авторами по данным IMF, World Economic Outlook Database (April 2025) (<https://www.imf.org/en/publications/weo/weo-database/2025/april>).

Некоторый спад показателей в 2020 г. объясняется пандемией и дипломатической блокадой страны из-за геополитических разногласий со стороны восьми ближневосточных стран, разорвавших в 2017 г. дипломатические отношения с Катаром. В 2021 г. кризис удалось преодолеть.

В последние годы наблюдается активное наращивание внешних инвестиций Катар в ключевые секторы — транспорт, недвижимость, спорт и образование, в том числе через Qatar Investment Authority, что способствует укреплению международного имиджа страны как надежного экономического и гуманитарного партнера и формирует устойчивую основу для реализации ее внешнеполитической стратегии (Reuters, 2023).

К концу 2010-х гг. Катар вошел в лидирующую тройку государств по объему ВВП на душу населения. Представим макроэкономические показатели о подушевом ВВП (в номинальном выражении и по паритету покупательной способности) для Катар, Саудовской Аравии и ОАЭ за период 2000–2025 гг. схематически для наибольшей репрезентативности динамики ППС по этим странам. Как видно из рис. 1, темпы роста соответствующего показателя в Катаре значительно отличаются в положительную сторону от двух других ключевых стран региона, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии.

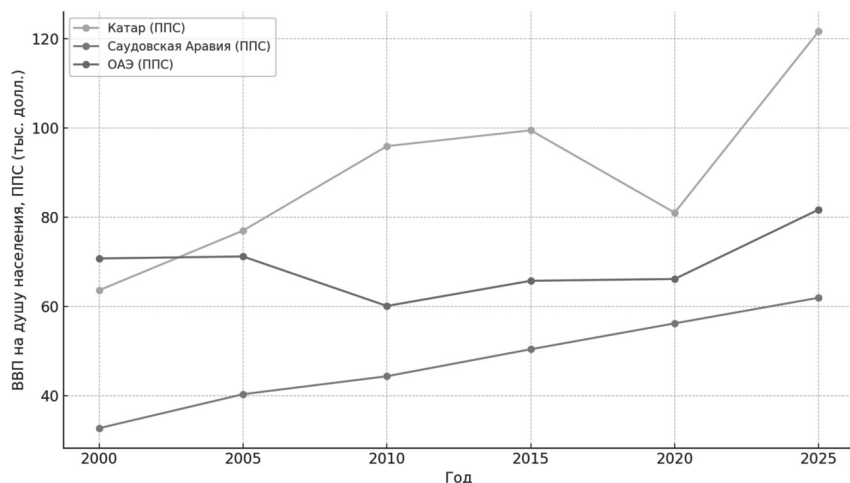

Рис. 1. Динамика ВВП на душу населения по ППС в тыс. долл. в странах Глобального Юга (Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ)

Источник: составлено авторами по данным IMF, World Economic Outlook Database (April 2025) (<https://www.imf.org/en/publications/weo/weo-database/2025/april>).

Как справедливо отмечает отечественный исследователь вопроса М. А. Вахрушева, «непосредственная близость со странами, претендующими на региональное лидерство, небольшая территория, отсутствие

должной военной мощи при наличии огромных финансовых ресурсов обусловили выбор Катаром курса на лавирование и обращение к инструментам «мягкой силы» (Вахрушева, 2017, с. 98). Акцент на использование технологий «мягкой силы» и инструментов публичной дипломатии позволил эмирату существенно увеличить популярность среди широких слоев населения во всем исламском мире, а затем и за его пределами. В наиболее авторитетном рейтинге компании Brand Finance, оценивающем потенциал «мягкой силы» государств, в 2024 г. Катар занял 21-е место, уступив другим арабским странам лишь несколько позиций (ОАЭ расположились на 10-й позиции, Саудовская Аравия — на 18-й строчке). Опросы показывают (например, от Arab Barometer), что многие в арабском мире воспринимают Катар как страну, поддерживающую справедливость для мусульман, активного защитника палестинцев в Газе. Приток иностранных студентов способствует созданию имиджа государства как исламской страны, где фактически можно получить западное образование. Сегодня многие воспринимают Катар как символ успеха исламской модернизации. Популярность Катара — это социокультурный феномен, выражающийся в доверии, уважении и активном внимании к его действиям, особенно среди широких масс, молодежи и мусульманских общин за пределами элит (Arab Barometer, 2025).

Таким образом, Катар стал одним из ключевых центров развития на Ближнем Востоке и среди стран Глобального Юга — по темпам роста, инвестиционной активности, уровню доходов и глобальному влиянию, включая «мягкую силу» и геоэкономику. Основную конкуренцию ему составляют ОАЭ и Саудовская Аравия, образуя триаду лидеров в регионе. Катар — неоспоримый центр развития, но в рамках многополярной системы региона. В 2024 г. именно несырьевой сектор демонстрировал более высокие темпы роста. Лидерами стали образование (+14,4% к 2023 г.), гостиничный и ресторанный бизнес (+8,7%), индустрия развлечений (+7,5%) и транспорт (+5,4%) (SberPro, 2025).

Факторы развития Катара в контексте развития экономики и дипломатии Глобального Юга

В 2008 г. Доха опубликовала долгосрочный план развития под названием «Национальное видение Катара на период до 2030 года», представлявший некую «дорожную карту преобразований для поддержания долгосрочного социально-экономического процветания, основанного на знаниях». План предусматривал значительное улучшение международного имиджа эмирата и акцентировал внимание на необходимости развития таких элементов «мягкой силы», как образование, спорт, туризм. Работа по повышению своего статуса за пределами арабского мира началась с серии громких приобретений объектов недвижимости в ведущих западных

странах Инвестиционным агентством Катара, сопровождавшихся продвижением национального бренда (Samuel-Azran, 2020, p. 382). За прошедшее с того момента время были созданы основные институты «мягкой силы» и публичной дипломатии Катара, которые в настоящий момент реализуют проекты в области образовательной, религиозной, спортивной, туристической и медийной дипломатии.

В 2015 г. указом нового главы государства (в 2013 г. Хамад бин Халифа Аль Тани передал власть своему сыну, и Тамим ибн Хамад Аль Тани стал восьмым эмиром Катара, занимая этот пост и сегодня) в целях координации продвижения положительного образа страны и своевременной коммуникации с неправительственными организациями и средствами массовой информации было создано Управление правительственных коммуникаций, осуществляющее деятельность под непосредственной юрисдикцией премьер-министра страны. Ключевую роль в реализации политики «мягкой силы» и публичной дипломатии Катара играет Катарский фонд образования, науки и общественного развития. Несмотря на статус неправительственной организации, он был создан в 1995 г. по указу эмира Хамада бин Халифа Аль Тани. Возглавила фонд его супруга Моза бинт Насер аль-Миснед, которая стала инициатором ряда важнейших национальных проектов в сферах образования и науки. Под ее эгидой в пригороде Дохи в 2003 г. был создан так называемый Город образования общей площадью более тысячи гектаров; он стал местом размещения филиалов зарубежных университетов из десятков стран, в том числе отделений престижных вузов США, Великобритании и Франции. Данный проект ориентирован на академическое сотрудничество и образовательный обмен, а также на привлечение преподавателей из других государств. Одновременно развиваются и национальные образовательные учебные заведения, предлагающие гранты на обучение в Катаре для перспективной молодежи из арабских стран.

Кроме того, Катарский фонд образования, науки и общественного развития спонсирует организацию и проведение Всемирного саммита по инновациям в образовании, а для поддержки культурного наследия и воспитания будущих ученых им были построены Международный центр исламской мысли и диалога и Арабско-исламская библиотека наследия, где представлены ценные коллекции книг и рукописей. Также под эгидой фонда были созданы несколько совместных предприятий разной специализации, например, Катарский издательский фонд, выпускающий книги на арабском и английском языках. По его инициативе были созданы Музей исламского искусства, Национальный музей, оперный театр, катарский филармонический оркестр. Реализация программ фонда способствовала тому, что катарская система образования, построенная на поддержке многообещающих представителей молодого поколения арабского мира, стала считаться одной из самых лучших в регионе. Сегодня власти эми-

рата продолжают выделять значительные средства на функционирование Катарского фонда с целью превращения страны в инновационный и современный центр знаний в ближневосточном регионе (Милинкевич, 2023, с. 129). При этом образовательный бюджет страны составляет 6% от ВВП, при среднемировом показателе в 4%. Всемирный банк (World Bank MENA Education Report) в региональных отчетах за 2020–2023 гг. называл Катар «ведущим инноватором в сфере высшего и школьного образования» среди стран Персидского залива, что подтверждает позиции катарской системы образования и в последние годы.

Большую роль в политике «мягкой силы» Катара играет не только образовательная дипломатия, но и дипломатия религиозная (они, впрочем, неразрывно связаны друг с другом). В данный момент эмират является одним из основных спонсоров строительства медресе и различных исламских центров на Ближнем Востоке и в других частях мира. (Вахрушева, 2017, с. 100). Доха продолжает активно участвовать в работе Организации исламского сотрудничества и финансировать различные исламские благотворительные организации. А египетский богослов Юсуф аль-Кардави, прибывший в страну в далеком 1961 г., а затем возглавивший факультет изучения шариата в Катарском университете и ставший советником эмира, закрепил за собой статус «глобального муфтия» мусульманского мира. Однако у этой истории есть и обратная сторона: альянс с так называемыми умеренными исламистами (в первую очередь, с Ассоциацией «Братья-мусульмане», духовным лидером которых долгое время считался ушедший из жизни в 2022 г. аль-Кардави) воспринимается как вызов другими монархиями Персидского залива, считающими подобные структуры серьезной угрозой для собственной безопасности.

Значительны достижения Катара на ниве туристической дипломатии. Большое внимание власти страны уделяют популяризации национальных праздников и созданию культурных памятников. В 2007 г. для укрепления единства, независимости и сплоченности катарского народа декретом главы государства был установлен Национальный день Катара. С тех пор ежегодно 18 декабря проходит празднование этого дня, причем не только в рамках территориальных границ эмирата, но и за его пределами, особенно в местах расселения катарских землячеств. Руководство страны также способствует повышению туристической привлекательности за счет создания благоприятных условий для увеличения потока иностранных туристов. В 2014 г. Управлением по туризму Катара была разработана и запущена Национальная стратегия развития туристического сектора, предполагавшая ряд нововведений, включая прием электронных заявлений на визы, установление безвизового режима для 88 стран и выдачу бесплатных транзитных виз на 96 часов. Результатом реализации такой политики стало то, что в 2018 г. Всемирная туристская организация назвала Катар самой открытой арабской страной. К тому же по инфор-

мации из публичных источников Катар был признан UNWTO самым открытым рынком по визовому упрощению в арабском регионе с 8-м местом в мировом рейтинге. Последний доступный индекс визовой открытости опубликован в мае 2023 г., однако это региональный индекс, относящийся ко всему Ближнему Востоку. В настоящее время Катар остается в числе наиболее открытых арабских стран, его граждане могут посещать без предварительной визы 112 государств, а граждане 102 иностранных государств имеют право безвизового доступ в страну. (Henleyglobal, 2025).

Успехи в области развития туристической индустрии эмирата были признаны и на региональном уровне: в декабре 2022 г. Арабский министерский совет по туризму назвал Доху столицей арабского туризма, а в 2023 г. на XII Конференции министров культуры исламского мира город Лузайл, который начал строиться только в 2006 г., был официально назван культурной столицей исламского мира 2030 г. В октябре 2024 г. была представлена новая дорожная карта развития туристического сектора, предполагающая привлечение более шести миллионов иностранных туристов в год. Ее ключевыми мероприятиями в рамках масштабного проекта «Туризм в Катаре» стали программы «Удиви себя» и «Остановка в Катаре» для краткосрочных поездок, позволяющие познакомиться со страной во время транзитных пересадок длительностью менее 24 часов; а также мероприятия, приуроченные к проведению Формулы-1 и Международному фестивалю еды. Важной инициативой в рамках туристической дипломатии, щедро профинансированной королевской семьей Катара, стал план по превращению столицы страны в яркий культурный город за счет создания ряда музеев мирового класса. Так, в преддверии Чемпионата мира по футболу в Катаре были открыты монументальные Музей арабского современного искусства и Олимпийский и спортивный музей Катара (Милинкевич, 2023, с. 130; Водянов, 2023, с. 16).

Огромное значение в данном сегменте «мягкосиловой» политики эмирата играет деятельность авиакомпании «Катарские авиалинии», созданной по инициативе и при мощной финансовой поддержке властей в 1997 г. в рамках стратегии превращения Дохи в центр глобальных авиаперевозок. В настоящее время авиакомпания выполняет рейсы по более чем 160 пунктам назначения и располагает третьим по величине флотом грузовых самолетов в мире. В сознании пассажиров «Катарские авиалинии» зачастую становятся первым представителем Катара, что хорошо понимают в Дохе, стараясь извлекать максимум выгоды от популяризации данного бренда. Так, все самолеты имеют оригинальную схему покраски: на фюзеляже каждого воздушного судна большими темно-бордовыми буквами нанесено слово «Катар» и изображен аравийский орикс (национальный символ эмирата). В ходе полетов среди пассажиров бесплатно распространяется ежемесячный бортовой журнал «Орикс», в котором размещаются фотографии и инфографика, отражающие различные интересные факты

о Катаре. Не менее эффективным средством продвижения позитивного образа Катара являются видеоролики авиакомпании, также направленные на привлечение туристов. И, конечно, стоит сказать о самих условиях, которые предлагают «Катарские авиалинии» своим клиентам. «Еще большее значение имеет сервис на борту: его качество серьезно влияет на выбор пассажирами той или иной авиакомпании, — верно отмечают М. А. Сучков и А. К. Седелев. — Чем сервис лучше, тем больше пассажиров будет проходить через аэропорт “Хамад” в Дохе и тем больше туристов захочет посетить страну, узнать о ее культуре и истории» (Сучков, Седелев, 2019, с. 66). Благодаря сервису высочайшего уровня авиакомпания неоднократно объявлялась лучшей в мире, а в 2016 г. была признана компанией Brand Finance одним из самых ценных мировых брендов (Samuel-Azgan, 2020, p. 382). Кроме того, «Катарские авиалинии» активно занимаются гуманитарными проектами, что позволило им обрести статус социально ответственной компании.

Немаловажную роль, особенно в последние годы, в политике «мягкой силы» Катара играет спортивная дипломатия. В 2005 г. был образован фонд «Спортивные инвестиции Катара», который начал активно инвестировать в различные имиджевые проекты, преимущественно на Западе. Так, в 2011 г. им был приобретен 70%-й (контрольный) пакет акций известного французского футбольного клуба «Пари Сен-Жермен». Вскоре последовало спонсорское соглашение с еще более популярной «Барселоной» (Испания), заключенное Катарским фондом образования, науки и общественного развития. В обоих случаях на футболках спортсменов этих европейских грандов появились логотипы катарских государственных и неправительственных структур, включая «Катарские авиалинии» (Цветкова, Мужикбаев, 2016, с. 189), что привлекло к эмирату внимание сотен миллионов болельщиков по всему миру. В ноябре 2024 г. Инвестиционное агентство Катара выкупило значительный (миноритарный) пакет акций команды «Ауди», участвующей в чемпионате мира по автогонкам в классе «Формула-1».

Однако важнейшим достижением спортивной дипломатии Катара стал прошедший в стране зимой 2022 г. Чемпионат мира по футболу. Эмират оказался первым арабским государством, получившим право на проведение столь значимого и престижного спортивного мегасобытия. Как замечает И. Н. Водянов, «Катар не только привлек внимание общественности к своему туристическому потенциалу, но и зарекомендовал себя надежной площадкой для проведения крупных международных соревнований и культурно-гуманитарных мероприятий» (Водянов, 2023, с. 16). Стоит отметить, что еще до футбольного Мундиаля (самого дорогого в истории; на его проведение было потрачено 220 млрд долл.) (Абу Хашаб, Ахмедова, 2023, с. 58), в Катаре состоялись крупные международные соревнования по гандболу, легкой атлетике, плаванию, боксу, Кубок Азии по футболу

и этап «Формулы-1». Нельзя не отметить, что Доха использует инструменты спортивной дипломатии и для реализации посреднических усилий по примирению геополитических противников. Так, были организованы соревнования по настольному теннису с участием команд, представлявших давних геополитических противников, — Индии и Пакистана, КНДР и Южной Кореи (Цветкова, Мужикбаев, 2016, с. 189).

Говоря о посреднической дипломатии, которую также можно отнести к инструментам стратегии «мягкой силы», следует заметить, что Катар выполняет роль медиатора в целом ряде межгосударственных и внутриполитических конфликтов в исламском мире. Дохе удалось стать посредником при подписании соглашений между палестинскими фракциями «Хамас» и «Фатх» в 2012 г., США и движением «Талибан» в 2021 г., Ираном и США в 2023 г. (соглашение по обмену заключенных). Достойны упоминания и усилия Дохи в области гуманитарной деятельности. Опираясь на развитую структуру и солидное финансирование соответствующих структур (Катарского общества Красного полумесяца, Катарского благотворительного фонда, Катарского фонда образования, науки и общественного развития, а также авиакомпания «Катарские авиалинии»), эмират активно участвует в различных международных программах по оказанию гуманитарной помощи пострадавшим от вооруженных конфликтов и стихийных бедствий в различных регионах мира, позиционируя себя как ответственного игрока системы глобального управления. (Тюкаева, 2023, с. 102). С помощью подобной гуманитарной и миротворческой деятельности эмират определенно повышает свой престиж на международной арене, правда, его посреднические действия нередко подвергаются критике, в первую очередь за хрупкость и недолговечность достигнутых договоренностей, а также за стремление получать сиюминутные имиджевые дивиденды вместо проведения кропотливой работы по искоренению глубинных причин конфликтов (Тюкаева, 2023, с. 104).

Самым же ценным активом «мягкой силы» и наиболее эффективным инструментом публичной дипломатии Катара является телекомпания «Аль-Джазира». Она была создана по указу эмира Хамада ибн Халифы Аль Тани в 1996 г. в рамках его стратегии по модернизации государства и усилению регионального влияния страны через деятельность в медиапространстве, в котором до этого на протяжении многих лет доминировала Саудовская Аравия. Костяк новой структуры изначально составили более сотни журналистов расформированной незадолго до этого арабской службы «Би-Би-Си Уорлд». Опора на опыт западной журналистики, позиционирование в качестве независимого СМИ (ее девиз — «Мнение и другое мнение»), новаторский круглосуточный стиль вещания, ориентация на релевантные запросы ближневосточной аудитории, регулярная диверсификация контента и создание новых форматов подачи материала

вкупе с очень солидным финансированием (только за первые пять лет канал получил почти 150 млн долл. из казны эмира (Виниченко, 2014)) позволили «Аль-Джазире» быстро обрести огромную популярность в мусульманском мире. С самого начала это СМИ акцентировало внимание на весьма болезненных вопросах, волнующих многомиллионную «арабскую улицу» (коррупция, бедность, неравенство, отсутствие социальных лифтов и т.д.), что явилось абсолютной инновацией. Более того, участниками дискуссий зачастую становились представители самых разных, порой враждующих друг с другом лагерей (включая спикеров считающихся террористическими во многих странах организаций), позволявшие себе открыто критиковать власти своих и чужих государств, что ранее также было крайне трудно представить в арабском медиаландшафте. Все это позволило «Аль-Джазире» выйти далеко за рамки новостных репортажей и стать глобальным информационным актором.

В 2006 г. был создан англоязычный канал, транслировавший новости не только по телевидению, но и в интернете, что укрепило позиции «Аль-Джазиры» уже не только в региональном, но и в международном масштабе. Более того, она стала одним из первых глобальных медиа, перешедших на цифровые платформы и начавших использовать Всемирную сеть для распространения своих материалов (Водянов, 2023, с. 19–20). В настоящий момент сайт компании имеет аккаунты во всех крупных социальных сетях, видеохостингах и мессенджерах и является одним из наиболее популярных новостных порталов в мире, привлекая десятки миллионов посетителей.

Всемирную известность «Аль-Джазира», однако, приобрела еще раньше. После начала вторжения США и их союзников в Афганистан осенью 2001 г. она оказалась единственной телекомпанией, располагавшей корреспондентами на контролируемой талибами территории, и сполна воспользовалась этим для усиления своего медийного влияния. Огромную роль канал сыграл и в событиях «арабской весны» в конце 2010 — начале 2011 г. Особенно его воздействие на развитие революционных процессов было заметно в ходе свержения Х. Мубарака. Интересно в связи с этим отметить, что, посещая в 2001 г. штаб-квартиру телеканала в Дохе, египетский президент, указав на небольшую комнату, откуда тогда велись репортажи «Аль-Джазиры», заявил: «Все эти неприятности происходят из-за этого спичечного коробка!» (Abdelmoula, 2015, p. 366). Спустя 10 лет канал стал едва ли не ключевым актором, способствовавшим падению, казалось бы, незыблемого режима: его усилия по мобилизации протестной активности с помощью вещания на арабском, с одной стороны, и донесения информации о революционных событиях на английском — с другой, трудно переоценить. Нельзя не согласиться с В. М. Виниченко, что указанные события заставили «исследователей и политиков заговорить об “эффекте Аль-Джазиры” с той же серьезностью, с какой двумя десятилетиями ранее

они обсуждали “эффект Си-Эн-Эн”. Вне всяких сомнений, ее появление в корне изменило облик арабской тележурналистики и радикально повлияло на многие политические процессы в регионе» (Виниченко, 2014, с. 161).

Сегодня вещание «Аль-Джазиры» осуществляется на шести языках, включая арабский, английский и турецкий, она располагает более 70 бюро и штатом в 3 тыс. сотрудников в 95 странах мира. Сигнал принимается в большинстве государств планеты; общая аудитория канала составляет более 400 млн домохозяйств. При этом «Аль-Джазира» не раз оказывалась в центре серьезных скандалов, но подобный «черный пиар» зачастую лишь служил ей хорошей рекламой (Водянов, 2023, с. 21). В итоге к настоящему моменту данный медиахолдинг превратился не только в ключевой инструмент публичной дипломатии Катар, но и во влиятельного игрока в регионе Большого Ближнего Востока в целом.

Неудивительно, что власти эмирата продолжают инвестировать миллиарды в «Аль-Джазиру», которая освещает глобальные события для мировой аудитории в соответствии с национальными интересами Катар. Такая стабильная финансовая поддержка со стороны правительства позволяет компании наращивать свои медийные возможности по освещению событий во всем мире и увеличивать тем самым численность своей аудитории. Кроме того, усилению влияния «Аль-Джазиры» на внешнем контуре способствует и приобретение Катаром иностранных медиаактивов путем поглощения или покупки доли в зарубежных платформах.

Индексация и нормализация показателей «мягкой силы» Катара

С целью количественной оценки совокупного влияния гуманитарных направлений политики «мягкой силы» был построен интегральный индекс «мягкой силы» Катар. Индекс агрегирует нормализованные значения по ключевым направлениям (образование, туризм, медиа, спорт, религия) с использованием метода взвешенного суммирования. Вес каждого компонента в расчетах был принят равным 0,2, исходя из принципа сбалансированности влияния гуманитарных сфер:

$$\text{ИМС} = 0.2 \cdot \text{Обр} + 0.2 \cdot \text{Тур} + 0.2 \cdot \text{М} + 0.2 \cdot \text{Сп} + 0.2 \cdot \text{Р}, \quad (1)$$

где ИМС — индекс «мягкой силы»;

Обр — значение вклада образовательной дипломатии (условная шкала);

Тур — оценка уровня туристической открытости и привлекательности;

М — влияние медиаплатформ на международное восприятие;

Сп — участие в спортивной дипломатии и организация крупных спортивных мероприятий;

Р — религиозная дипломатия и поддержка исламского образования и культурных инициатив.

Все показатели приведены к шкале от 0 до 1 методом линейной нормализации, после чего агрегированы в интегральный индекс с равными весами (0.2). Нормализованные значения и итоговый индекс «мягкой силы» за период 2015–2024 гг. представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Нормализованные значения и итоговый индекс «мягкой силы»
за период 2015–2024 гг.**

Год	Образование	Туризм	Медиа	Спорт	Религия	Индекс «мягкой силы»
2015	0,000	0,500	0,000	0,000	0,000	0,100
2016	0,087	0,550	0,125	0,167	0,158	0,217
2017	0,217	0,625	0,208	0,267	0,263	0,316
2018	0,348	0,700	0,333	0,333	0,316	0,406
2019	0,435	0,750	0,417	0,400	0,421	0,485
2020	0,261	0,000	0,292	0,367	0,263	0,236
2021	0,522	0,375	0,500	0,467	0,526	0,478
2022	0,652	0,700	0,667	0,667	0,684	0,674
2023	0,870	0,875	0,833	0,833	0,895	0,861
2024	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000

Источник: составлено авторами.

Рассчитанный индекс может выполнять следующие важные аналитические функции:

- измерение уровня и динамики «мягкой силы» — позволяет оценить, как изменялась совокупная эффективность гуманитарных и имиджевых стратегий Катар в разные годы;
- сравнительный анализ — на базе единой методики могут быть рассчитаны аналогичные индексы для других стран региона, что создает основу для оценки относительной конкурентоспособности Катар в сфере «мягкой силы»;
- интеграция в прикладной анализ — полученные значения могут использоваться в эконометрических моделях для анализа влияния «мягкой силы» на макроэкономические и внешнеполитические

показатели (например, ВВП, приток инвестиций или международный имидж);

- поддержка стратегического управления — индекс может служить инструментом мониторинга и принятия решений в области гуманитарной и публичной дипломатии, указывая на направления, требующие усиления или структурных реформ.

Таким образом, индекс «мягкой силы» представляет собой полезный инструмент для практической оценки эффективности политики мягкой силы Катара в контексте его социально-экономического и международного развития.

Заключение

Рассмотренные в исследовании ресурсы «мягкой силы» и инструменты публичной дипломатии используются Катаром для формирования привлекательного имиджа на международной арене, особенно в странах Глобального Юга. Вместе с тем, внутри страны сохраняется ряд социально-экономических проблем, снижающих убедительность этого образа. Прежде всего, речь идет о нерешенных вопросах в сфере прав человека, включая положение рабочих-мигрантов, которые составляют подавляющее большинство населения, но не обладают полноценными гражданскими правами. Геополитическое окружение также создает значительные внешние вызовы, а политика предоставления убежища радикальным организациям влечет репутационные издержки, особенно в отношениях с соседями.

Несмотря на это Катару удалось добиться устойчивого роста международного авторитета и занять позицию одного из региональных лидеров. С начала XXI в. государство системно выстраивает свою гуманитарную стратегию, опираясь на инвестиции в инфраструктуру, туризм, образование, медиа и спорт. Особое значение имеет внешнеэкономическая активность Катара, включая вложения в недвижимость и энергетику в таких глобальных центрах, как Лондон, Париж и Берлин, что обеспечило стране дополнительные рычаги влияния и укрепление международной легитимности.

Ключевыми целями гуманитарной политики Катара являются обеспечение внешнеполитической автономии, утверждение роли медиатора и культурного лидера исламского мира, а также позиционирование как независимого глобального игрока. Эти цели реализуются через гибкую дипломатическую тактику, институциональное укрепление гуманитарных каналов влияния, а также за счет создания символического капитала и поддержки гуманитарных инициатив, выгодно отличающих катарскую модель от более жестких стратегий соседей по региону.

Проведенный количественный анализ подтвердил, что катарская стратегия воздействия через гуманитарные инструменты носит системный

и институционализированный характер. Построенный интегральный индекс позволил объективно зафиксировать положительную динамику развития ключевых направлений, таких как образование, спорт и медиа. Это, в свою очередь, демонстрирует способность малой ресурсной державы конвертировать ограниченные традиционные ресурсы в устойчивое внешнеполитическое влияние.

Таким образом, в условиях ограниченной военной и демографической мощи Катар добился значительного укрепления своего глобального статуса за счет выверенной стратегии гуманитарного позиционирования. Пусть отдельные аспекты этой политики вызывают критику, в целом Катар сумел создать устойчивый образ автономного, современного и влиятельного актора международных отношений, став одним из важнейших гуманитарных центров Большого Ближнего Востока..

Список литературы

Абу Хашаб, А. С., & Ахмедова, Н. С. (2023). Подъем Катара на международной арене: причины, факторы, последствия. *Вестник Российского университета дружбы народов*, 1, 56–64.

Абылгазиев, И. И., Васецова, Е. С., & Егоров, И. С. (2023). Роль информационной войны в гибридном конфликте между государством Катар и Королевством Саудовская Аравия. *Век глобализации*, 1(45), 58–72.

Васецова, Е. С., & Фатхуллина, Д. В. (2023). Основные черты и особенности «мягкой силы» государства Катар. *Вопросы политологии*, 13(1), 230–235. 10.35775/PSI.2023.89.1.023.

Вахрушева, В. А. (2017). «Мягкая сила» во внешней политике Катара. *Дневник Алтайской школы политических исследований* 33. *Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях)*: сборник научных статей / под ред. Ю. Г. Чернышова, 98–101.

Водянов, И. Н. (2023). СМИ как основной компонент мягкой силы Катара. *Коммуникология*, 11(2), 13–27.

Виниченко, В. М. (2014). Феномен «Аль-Джазиры» на ближневосточном и глобальном информационных рынках. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 13(184), 156–166.

Кашина, А. А. (2019). Концепт «мягкой силы» в арабских странах. *Восточный альманах*, 3, 29–43.

Милинкевич, К. А. А. (2023). Инновации в современной публичной дипломатии: пример Катара. *Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов*. Материалы международной научно-практической конференции, 128–132.

Сучков, М. А., & Седелев, А. К. (2019). Национальные авиакомпании как инструмент «мягкой силы»: “Qatar Airways” и “Turkish Airlines”. *Пути к миру и безопасности*, 2(57), 63–73.

Тюкаева, Т. И. (2023). Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии. *Мировая экономика и международные отношения*, 67(10), 94–107. DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-10-94-107.

Цветкова, Н. А., & Мужикбаев, Л. А. (2016). Спортивная дипломатия Катара в 2000-е гг. как инструмент внешней политики. Исторические, философские, поли-

тические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 6(68), 188–190.

Abdelmoula, E. (2015). *Al Jazeera and Televised Revolution. The Case of Tunisia. Routledge Handbook of the Arab Spring. Rethinking Democratization* (ed. by L. Sadiki). London: Routledge, 366–375.

Al Jazeera. (n.d.). *About us*. <https://www.aljazeera.com/about-us>.

Arab Barometer. (2025). Qatar country report. <https://www.arabbarometer.org/countries/qatar/>.

Brannagan, P. M., & Giulianotti, R. (2018). The soft power — soft disempowerment nexus: the case of Qatar. *International Affairs*, 94(5), 1139–1157.

Brand Finance. Global 500. (n.d.). The annual report on the world's most valuable brands — 2016. https://brandfinance.com/wp-content/uploads/1/global_500_2016_website.pdf.

Brand Finance (n.d.). Global Soft Power Index 2024. <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf>.

Gulf Times. (2025, June 9). Qatar accounts for 18.8% share of global LNG exports in 2024: IGU. *Gulf Times*. <https://www.gulf-times.com/article/705813/business/qatar-accounts-for-188-share-of-global-lng-exports-in-2024-igu>.

Government Communications Office. (n.d.). Qatar National Vision 2030. <https://www.gco.gov.qa/en/state-of-qatar/qatar-national-vision-2030/our-story/>.

Henley & Partners. (n.d.). Global passport index. Retrieved July 11, 2025, from <https://www.henleyglobal.com/passport-index/ranking>.

International Monetary Fund. (2025, April). GDP per capita, current prices and purchasing power parity — Qatar, Saudi Arabia, United Arab Emirates. IMF Data Mapper. Retrieved May 01, 2025, from <https://www.imf.org/external/datamapper/>.

Nye, J. (2011). *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Qatar Investment Authority backs Audi for 2026 F1 entry. (n.d.). ESPN. https://www.espn.com/f1/story/_/id/42678040/qatar-investment-authority-back-audi-2026-f1-entry.

Qatar Tourism. (n.d.). Qatar's Tourism Sector Roadmap Showcased. <https://www.qatartourism.com/en/news-and-media/press-releases/qatar-s-tourism-sector-roadmap-showcased>.

Reuters. (2023, December 4). Qatar Investment Authority and Ashmore launch \$200 million fund. Retrieved July 11, 2025, from <https://www.reuters.com/company/qatar-investment-authority/>.

Reuters. (2024, December 4). Qatar to invest £1 billion in climate technology in Britain through Rolls-Royce. Reuters. Retrieved from <https://www.reuters.com/business/environment/qatar-invest-13-billion-climate-technology-britain-2024-12-04/>.

Reuters. (2025, May 20). Qatar Investment Authority plans to at least double annual U. S. investments over next decade. Retrieved from <https://www.reuters.com/world/middle-east/qatars-qa-plans-least-double-annual-us-investments-over-next-decade-2025-05-20/>.

Reuters-2. (2025, May 20). Qatar's sovereign wealth fund plans to double annual US investments to US\$500 bn over next decade. Reuters. Retrieved from <https://www.reuters.com/>.

Samuel-Azran, A. (2020). *Nation Branding in the Arab World. Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York: Routledge, 380–386.

SberPro. (2025, June 19). Ворота в Персидский залив: какие возможности открывает перед бизнесом сотрудничество с Катаром [Economics article]. Retrieved July 11, 2025, from <https://sber.pro/publication/vorota-v-persidskii-zaliv-kakie-vozmozhnosti-otkrivaet-pered-biznesom-sotrudnichestvo-s-katarom>.

Skytrax World Airline Awards. (n.d.). Airline of the Year Winners. <https://www.worldairlineawards.com/airline-of-the-year-winners>.

Topham, G. (2022, November 10). FTSE 100 firms hand billions in dividend payouts to Qatar investors. *The Guardian*. Retrieved July 11, 2025, from <https://www.theguardian.com/business/2022/nov/10/ftse-100-firms-hand-billions-in-dividend-payouts-to-qatar-investors>.

U. S. Energy Information Administration. (2023, March 28). Qatar — International — Analysis. Retrieved July 11, 2025, from <https://www.eia.gov/international/analysis/country/QAT>.

References

Abu Hashab, A. S., & Akhmedova, N. S. (2023). The rise of Qatar in the international arena: causes, factors, consequences. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*, 1, 56–64.

Abylgaziev, I. I., Vasetsova, E. S., & Egorov, I. S. (2023). The role of information warfare in the hybrid conflict between the State of Qatar and the Royal Saudi Arabia. *The Age of Globalisation*, 1(45), 58–72.

Kashina, A. A. (2019). The concept of 'soft power' in Arab countries. *Oriental Almanac*, 3, 29–43.

Milinkevich, K. A. A. (2023). Innovations in modern public diplomacy: the example of Qatar. *Diplomacy of Belarus in the conditions of new challenges*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, 128–132.

SberPro. (2025, June 19). Gateway to the Persian Gulf: What opportunities does cooperation with Qatar open up for business [Economics article]. Retrieved July 11, 2025, from <https://sber.pro/publication/vorota-v-persidskii-zaliv-kakie-vozmozhnosti-otkryvaet-pered-biznesom-sotrudnichestvo-s-katarom>.

Suchkov, M. A., & Sedelev, A. K. (2019). National airlines as an instrument of 'soft power': 'Qatar Airways and Turkish Airlines. *Pathways to Peace and Security*, 2(57), 63–73.

Tsvetkova, N. A., & Muzhikbaev, L. A. (2016). Qatar's sports diplomacy in the 2000s as an instrument of foreign policy. Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. *Issues of Theory and Practice*, 6(68), 188–190.

Tyukaeva, T. I. (2023). Resonant Qatar: the phenomenon of foreign policy identity of a small monarchy. *World economy and international relations*, 67(10), 94–107. DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-10-94-107.

Vakhrusheva, V. A. (2017). 'Soft power' in Qatar's foreign policy. *Diary of the Altai School of Political Studies 33. Modern Russia and the world: alternatives of development (Image of the country as a factor of 'soft power' in international relations)*: collection of scientific articles / edited by Y. G. Chernyshov, 98–101.

Vasetsova, E. S., & Fatkhullina, D. V. (2023). The main features and peculiarities of the 'soft power' of the state of Qatar. *Voprosy politologii*, 13(1), 230–235. 10.35775/PSI.2023.89.1.023.

Vinichenko, V. M. (2014). The Al-Jazeera phenomenon in the Middle East and global information markets. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universitet. Series: Humanities*, 13(184), 156–166.

Vodianov, I. N. (2023). Mass media as the main component of Qatar's soft power. *Communicologia*, 11(2), 13–27.